

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
ЦЭНТР ДАСЛЕДАВАННЯ У БЕЛАРУСКАІ КУЛЬТУРЫ,
МОВЫ І ЛІТЭРАТУРЫ
МІНІСТЭРСТВА КУЛЬТУРЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

**ПЕРШЫ МІЖНАРОДНЫ
НАВУКОВЫ КАНІ РЭС
БЕЛАРУСКАІ КУЛЬТУРЫ**

Зборнік матэрыялаў

(Мінск, Беларусь, 5 – 6 мая 2016 г.)

Мінск
«Права і эканоміка»
2016

УДК [008+7](06)6.09
ББК 63.5
1127

Рэдакцыйная калегія:

А. І. Лакотка (галоўны рэдактар), С.ІІ. Віцязь, А.Р. Гуляева, У.Р. Гусакоў,
І.У. Дрыга, А. А. Каваленя, І. Л. Капылоў, А.А. Лукашанец, І. В. Саверчанка,
Б. У. Святлоў, В.М. Чэрнік

Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры :
П27 зборнік матэрыялаў (Мінск, Беларусь, 5 – 6 мая 2016 г.) / гал. рэд.
А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і
літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – 821 с.
ISBN 978-985-552-603-3.

У зборніку змяшчаюцца даклады ўдзельнікаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў», якая адбылася 19–20 лістапада 2015 года ў г. Мінск. Публікуюцца даследаванні ў галіне архітэктуры, выяўленчага і дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, тэатразнаўства, музыкі, кіно, экранных відаў мастацтва. Разглядаюцца актуальныя задачы сучаснай культуры і захавання нацыянальных культур і гістарычна-культурнай спадчыны ў сучасных умовах.

Кніга адрасуецца мастацтвазнаўцам, этнолагам, фалькларыстам, усім, хто цікавіцца традыцыйнай беларускай культурай.

УДК [008+7](06)6.09
ББК 63.5

ISBN 978-985-552-603-3

© ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі», 2016
© Афармленне. ВТАА «Права і эканоміка», 2016

Літве, архівы гісторыі сучаснай беларускай прысутнасці ў Літве і г.д. Віртуальны музей можа аб'яднаць на сваім рэсурсе ўсе магчымыя спасылкі на такую катэгорыю матэрыялаў, захоўваючы аўтарскія правы інстытуцыі і адначасова папулярызуючы яе.

Для рэалізацыі асветніцкай і папулярызатарскай дзейнасці мэтазгодным можа быць стварэнне віртуальнай бібліятэкі, якая змяшчала бы кнігі і СМІ, выдадзеныя ў Літве ў розныя перыяды, і кнігі, якія адлюстроўваюць беларускую спадчыну ў краіне ўвогуле. Такі партал можа быць пляцоўкай для творчых сустрэч беларускай інтэлігенцыі Літвы, тэматычных выстаў, архівам культурных мерапрыемстваў і беларуска-літоўскага супрацоўніцтва.

Ідэя стварэння музея была агучана на беларуска-літоўскім круглым stole “Ад мінулага да будучага: музей імя І.Луцкевіча”, які адбыўся ў 2013 г. на базе Цэнтра беларускай мовы, літаратуры і этнакультуры ЛЭУ і на якім сабраліся музейныя эксперты Літвы і Беларусі. Па выніках сустрэчы Цэнтрам была створана канцэпцыя, якая была прадстаўлена ў міністэрствы культуры абедзвюх краін і падтрыманая там. Аднак пытанне фінансавання праекту так і не было вырашана.

У 2014 г. была арганізавана працоўная група па стварэнні сайта беларускага віртуальнага музея (праект Літоўскай асацыяцыі беларусістаў, прафінансаваны міністэрствам культуры ЛР), якая стварыла праграму, што аб'ядноўвае ўсе пералічаныя напрамкі даследчыцкай, асветніцкай і папулярызатарскай дзейнасці. Такім чынам, на сёння ёсць навуковыя і інтэлектуальныя рэсурсы, памяшканне, сродкі сувязі і тэхнічнае абсталяванне Цэнтра беларускай мовы, літаратуры і этнакультуры ЛЭУ, разгалінаваныя кантакты і папярэднія дамоўленасці з шэрагам навуковых, навучальных і музейных устаноў аб супрацоўніцтве. Адсутнічае галоўнае – фінансаванне, без якога гэта патрэбная для дзвюх краін праца па захаванні спадчыны, у тым ліку і агульнай, можа застацца толькі ідэяй.

Серак Е.В.

(Республика Беларусь, г. Минск)

УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ.

Рассматривается пребывание в Сибири уроженцев Беларуси высланных за участие в восстании 1863–1864 гг. В общем процессе адаптации в ссылке выделяется такая форма, как социально-культурная интеграция. Процесс интеграции в сибирское общество возможно проследить согласно следующим критериям: характер занятий, разнообразие видов деятельности, наличие постоянной работы и организация взаимопомощи среди ссыльных. Реализация культурно-образовательного потенциала ссыльных уроженцев Беларуси была обеспечена путем интеграции культурно-просветительской деятельности по таким направлениям, как популяризация изобразительного искусства, организация любительских театров, содействие в осуществлении профессиональной музыкальной деятельности.

Рассматривается пребывание в Сибири уроженцев Беларуси высланных за участие в восстании 1863–1864 гг. В общем процессе адаптации в ссылке выделяется такая форма, как социально-культурная интеграция. Процесс интеграции в сибирское общество возможно проследить согласно следующим критериям: характер занятий, разнообразие видов деятельности, наличие постоянной работы и организация взаимопомощи среди ссыльных. Реализация культурно-образовательного потенциала ссыльных уроженцев Беларуси была обеспечена путем интеграции культурно-просветительской деятельности по таким направлениям, как популяризация изобразительного искусства, организация любительских театров, содействие в осуществлении профессиональной музыкальной деятельности.

Мероприятия по обеспечению эффективной интеграции ссыльных в Западной Сибири были начаты тобольским губернатором А. И. Деспот-Зеновичем, чьи идеи в основном разделял генерал-губернатор А.О. Дюгамель. Он предложил ряд мер по облегчению быта ссыльных, улучшению их экономического положения, преодолению разобщенности с местным населением [14, с. 55, 61]. Среди первоочередных мер, направленных на организацию жизнедеятельности ссыльных, было предоставление им возможности иметь заработок. В Тобольске в 1864–1867 гг. были учреждены ремесленные мастерские, среди них столярная, сапожная, слесарная, швейная. Было открыто котельное производство, кузницы, булочная, пивоваренный завод, мелочные лавки, общая столовая для стариков и больных на 140 человек. В результате из 220 ссыльных, оставленных в г. Тобольске, только 35 человек пользовались пособием от казны, все остальные имели возможность работать и приобретать себе

средства для жизни. Эти начинания дали положительный результат. Во-первых, власти сдержали натпыль в деревни сосильных горожан, которые были далеки от земледельческого труда, избежали такого явления, как бродяжничество. Во-вторых, побеги из Тобольской губернии за указанный период были единичны, в то время как из Томской губернии бежали десятками. В-третьих, налаживание новых социальных связей изменяло отношение к окружающему миру, стали возникать ситуации, когда сосильные подавали ходатайства о переезде в Сибирь своих семей [7, с. 7].

Ряд правительственных мер, принимаемых в отношении сосильных, указывал на их стремление к изоляции от населения посредством запретов и ограничений. Присутствовал запрет на право иметь типографии, фотомастерские, фармацевтическую практику. Тем не менее всегда находились способы избежать ограничения. Так, высланный на жительство в Томск минский фотограф А. Прушинский, для того чтобы содержать семью открыл на имя жены небольшую фотографическую мастерскую, которая функционировала в период 1864–1873 г. Фотоуслуги мастерской пользовались спросом у жителей Томска, привлекали качество работы и доступные цены [16, с. 23, 24, 323].

Согласно распоряжению Министерства просвещения от 1865 г. свидетельства, позволявшие выполнять обязанности домашнего учителя, утрачивали свою силу на территории Российской империи [2, с. 97]. Найти работу учителя сосильному в губернских городах, а тем более в уездных, было почти невозможно еще и в силу недоверия местных властей, а также из-за ограниченности рынка вакансий в образовательных учреждениях. Большинство сосильных учителей пребывало в «услужении у частных лиц» [18, с. 77]. Тем не менее наиболее зажиточные жители Сибири, а также представители гражданской и военной администрации желали, чтобы их дети получали образование в столице или других крупных городах Европейской России. Отсутствие образованных преподавателей и в связи с этим слабое домашнее обучение весьма затрудняло поступление в такие учебные заведения. Этим и объяснялась огромная потребность в домашних учителях и повсеместная работа по найму в качестве преподавателей прибывавших сюда не по собственной воле повстанцев. В конце 1864 г. из 40 сосильных, проживавших в Красноярске, по меньшей мере, 15 давали уроки в домах горожан [11, с. 59]. В подобной ситуации чиновники часто игнорировали имевшие места нарушения, оставляя донесения жандармских офицеров без внимания. В полицейском обзоре Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии значится: «Много раз замечено было, что ... гласно-поднадзорные занимаются педагогической деятельностью, о чем каждый раз сообщалось Минусинскому окружному исправнику, но пользы от этого никакой не было ... поднадзорные и ныне продолжают заниматься той же деятельностью» [6, с. 45].

Первым и важным успехом в педагогической карьере Ф. Зенковича был блестящий ответ на экзамене его первого ученика М. Лаговского, что давало ему право поступить сразу в 4-й класс Иркутской гимназии. «Никогда подобного случая не бывало, чтобы кто-либо из учеников, имея домашнюю подготовку, смог сдать экзамен выше чем в 3-й класс», – комментировал ситуацию директор школы [12, с. 119]. Уроки в домах местных чиновников и купцов давал каждый, кто имел такую возможность и был способен это делать. При этом официально они считались поварами или лакеями, а фактически были гувернерами. Интересное решение последовало на прошение сосильного Н.В. Ковалевского о предоставлении ему возможности давать частные уроки, «...но если нет такой возможности, то по крайней мере игнорировать факт обучения одного-двух ребят, что дает единственно возможные для меня средства существования» [10, с. 51]. В ответ енисейский гражданский губернатор объявил, что «согласно изданным правительством правилам по надзору за государственными и политическими преступниками им строго воспрещается заниматься образованием детей, что же касается до просьбы игнорировать факт обучения ими детей, я вполне согласен оставить эти факты без всяких последствий до тех пор, пока не случится на это разрешения» [10, с. 52]. Преподавание детям горожан различных наук сосильными создавало им возможность для более тесных контактов с городской элитой.

Правила 1866 г. категорически запрещали сосильным заниматься воспитанием и обучением детей в образовательных учреждениях [368, с. 190]. Очередные запреты обходились самыми различными путями, хотя это не облегчало сосильным жизнь. Такая «строгость», как правило, была мнимой. И поэтому, то и дело мы сталкиваемся со следами педагогической деятельности, о которых пишут в своих воспоминаниях Э. Табеньская, Ф. Зенкович и др. [12, 18]. Упоминание об официальном разрешении К. Остроменцкой на работу в качестве учительницы в женской гимназии в Томске встречается даже в одной из сибирских газет [5, с. 32]. В результате решительных и настойчивых прошений она получила место учителя французского и немецкого языков в восьми классах женской гимназии. Остроменцкая с большим увлечением отдавалась урокам, была окружена уважением коллег и гимназисток. Как учитель она обладала редкими педагогическими способностями. Ею была разработана авторская методика преподавания иностранного языка для начинающих с помощью картинок, которая успешно использовалась в работе с учениками младших классов гимназии. Приобретению иллюстративных

изданий содействовала кузина Остроменцкой, которая жила в г. Риге. Чиновник Министерства просвещения Дзюба, инспектируя Томскую гимназию, был чрезвычайно удивлен высокими языковыми навыками гимназисток [15, s. 54].

Ежедневно уроки в гимназии занимали у К. Остроменцкой около пяти часов. Занятия начинались в девять утра и продолжались до двух часов дня, затем еще несколько часов занимали частные уроки [15, s. 55]. В письме к своей сестре Паулине Ф. Зенкович также писал, что «педагогическая деятельность поглотила меня всецело, я принял приглашение занять должность гувернера сразу в трех русских семьях. Поэтому ухожу в восемь часов утра и только в половине восьмого вечера возвращаюсь домой. День проходит без перерыва и отдыха между уроками, ни сил, ни времени не остается ни на что» [12, s. 121].

Дети ссыльных могли получать образование в русских школах на общих основаниях. Решение о поступлении детей в местные учебные заведения, училища, реже в гимназии принималось ссыльными скорее в порядке исключения. Причины могли быть самые разные: невозможность оплачивать домашнее обучение, желание обеспечить детям образование, которое позволит учиться дальше после возвращения из Сибири либо решение одного из православных родителей в смешанных семьях. Однако одной из проблем для ссыльных семей католического вероисповедания было то, что «при поступлении ребенка в гимназию его были вынуждены записывать в число православных» [11, s. 66]. В подобной ситуации выходом для них было создание отдельных школ, которое допускалось с согласия губернатора в том случае, если население деревни составляли исключительно ссыльные. При этом все занятия обязательно должны были проводиться на русском языке [11, s. 55]. В г. Верхотурье Пермской губернии в 1865–1866 гг. тайно работала школа для детей ссыльных. Занятия проходили в помещении, арендованном ссыльным Гроховским. Куратором школы был Табеньский. В результате доноса школа была закрыта. Можно предположить, что такого рода школ было больше, но в связи с тем, что они носили конспиративный характер, сохранилось мало информации, отражающей их деятельность [11, s. 71].

Много внимания ссыльные уделяли домашнему образованию собственных детей. Так, помещик В. Остроменцкий, уроженец Кобринского уезда Гродненской губернии, окончил Свислочскую гимназию, взял на себя обязанность обучения своих детей Габриэлы, Марии и Ядвиги, а также для дочери и сына А. Прушинского Евгении и Макаима. Он разделил детей на две возрастные группы – старшую и младшую, которым отдельно преподавал письмо, чтение и арифметику. Французским языком с детьми занималась К. Остроменцкая, а уроки богословия давал коендз И. Давидович (родом из Жмуди) [15, s. 50, 267]. Ступая некоторое время в группе старших детей математику стал преподавать троюродный брат В. Остроменцкого Франтишек, который до ссылки был учителем математики в Пинске. В рамках этих занятий упор делался не столько на получение знаний по общеобразовательным предметам, сколько на то, чтобы дети не забывали родной язык, знали историю и литературу. По свидетельству Я. Остроменцкой, «вечером дети собирались вокруг отца, который читал рассказы В. Сырокомли и баллады А. Мицкевича» [15, s. 72].

Выстоять в условиях ссылки помогали дружба и взаимная поддержка. Более обеспеченные оказывали содействие в поиске работы, помогали с жильем и деньгами. В доме Остроменцких собирался небольшой круг детей для занятий танцами. Дети ходили на эти уроки не столько для совершенствования хореографических навыков, сколько для материальной поддержки ссыльного балетмейстера Гродзицкого, который остался в ссылке без средств к существованию [15, s. 59]. По приглашению ссыльного доктора Пасолуевского Э. Табеньская, которая получила образование в Вильно и работала в качестве учителя в г. Лиде, занималась обучением его дочерей, получив комнату в доме и жалование в 250 рублей [18, s. 106]. Ступая некоторое время, в 1866 г. коендз И. Давидович в пригороде Томска вместе с учителем гимназии И. Чигирем организовал приют и школу для детей бедных католиков и сирот ссыльных повстанцев. Для обучения девочек были приглашены профессиональные учителя, среди которых была и Э. Табеньская, а также Т. Булгак из Новогрудского уезда и К. Остроменцкая из Кобринского уезда Гродненской губернии, получившая образование в Митаве в Курляндии в одной из частных женских школ, где великолепно овладела иностранными языками [15, s. 246, 252, 254]. Преподавание заключалось в обучении чтению и письму, а также иностранным языкам и богословию [11, s. 70].

Занятия музыкой меньше подвергались контролю. С ее помощью ссыльные поддерживали душевное равновесие и одновременно получали средства к существованию. Наибольшие шансы на получение этой работы были у ссыльных учителей музыки, пребывавших в больших городах, где жили зажиточные служащие и купцы, у которых были музыкальные инструменты, чаще всего фортепьяно. Уроки музыки и пения, иностранных языков, рисунка и танцев стоили дороже, чем обучение школьным предметам, так как, по мнению родителей, они давали «хорошее воспитание», т.е. такое, «которым можно блеснуть и которое способствует безбедному существованию» [11, s. 211]. В период с 1868 по

1870 г. оплата за уроки танцев составляла 5 рублей за час, занятия музыкой и иностранным языком обеспечивали заработок в размере от 2 до 3 рублей. В воспоминаниях этого периода отмечается, что «... хотя платили не очень щедро ..., но это был приличный доход» [11, с. 212]. В Иркутске преподавал музыку и занимался настройкой фортепьяно В. Климович, органист из Новогрудка. Его товарищ по ссылке Я. Горайский в письме из Иркутска в 1867 г. писал, что Климович «накопил столько, что прекрасно живет» [4, с. 215]. В Томске уроки музыки также давали Г. Михаловский из Вильно и А. Прушинский из Минска [15, с. 41, 42, 260]. Тем не менее педагогическая практика не всегда приносила твердый материальный достаток, тогда в пользу коллег-музыкантов давались благотворительные концерты, в частности подобная практика использовалась Иркутским обществом любителей музыки и литературы [4, с. 212–213].

Содействовали ссылке участники восстания и профессиональному оживлению музыкальной жизни Сибири. При их участии в 1874 г. в Омске, а в 1879 в Томске открылись отделения Русского музыкального общества [1, с. 332]. При содействии и под руководством И. Поплавского был открыт музыкально-драматический кружок в Ново-Николаевске [8, с. 113]. В 1866 г. на Александровских заводах под Иркутском, где группа ссыльных достигала около 300 человек, дворянином Минской губернии И. Огрызко был образован оркестр из числа осужденных на каторжные работы [4, с. 214]. Музыка была неотъемлемой частью жизни многих ссыльных семей, она скрашивала повседневную суровую жизнь в Сибири. Совместное музицирование, пение объединяло, позволяло отвлечься от гнетущей действительности. Такое время совместного претерпевания было приурочено, как правило, к именинам, празднованию религиозных торжеств, к богослужениям, свадьбам или крестинам.

Определенное место в социокультурной среде отводилось и изобразительному искусству. Его популяризацией в Сибири занимались бывшие повстанцы художники Ю. Флек и С. Виткевич [13, с. 40–41]. Они давали в Томске частные уроки рисования, закладывая основы художественного образования. Их деятельность развивала вкус и любовь к искусству среди местного населения. Общество любителей художеств, основанное в Томске при участии ссыльных повстанцев, устраивало выставки картин, этюдов, скульптур, предметов прикладного искусства. Выпускник Варшавской академии изящных искусств дворянин Ошмянского уезда Виленской губернии И. Беркман, осужденный на 4 года каторжных работ в Нерчинских рудниках, по амнистии 1866 г. получил разрешение на поселение в д. Сиваковой. В 1870 г. переместился в Иркутск, где основал художественную мастерскую [11, с. 207]. В своих работах И. Беркман создавал образы, посвященные ссыльным повстанцам в Сибири, в его коллекцию вошли рисунки с видами Иркутска, сибирские пейзажи, среди которых «Буря в Тункинской долине» (1877). Такие картины, как «Тройка» (1877), и «Поездка на двуколке» (1877) раскрывают повседневную жизнь Сибирского тракта, главной транспортной артерии, соединившей Европейскую часть России с Дальним Востоком. Картины художника были представлены широкому кругу горожан, участвовали в выставках, которые проходили в губернской городской гимназии, в Иркутском благотворительном товариществе, в городской художественной галерее [11, с. 130–131]. Творческая деятельность в ссылке способствовала более активному общению с местным населением, что, в свою очередь, вело к установлению межкультурного диалога.

Наряду с изобразительным и музыкальным творчеством предпринимались попытки организации любительских театров. Наиболее известным был «Театр в кандалах», основанный ссыльными участниками восстания 1863–1864 гг. в д. Сиваковой на Байкале, который действовал в период с 1865 до начала 1868 г. Постановки любительского театра затенены в акварели художника И. Беркмана [3, с. 116]. Более широкий отклик в сибирском обществе вызвала любительская театральная постановка, подготовленная в 1868 г. в Чите по случаю приезда туда генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова. В истории профессионального иркутского театра осталось имя актрисы Х. Киркор, любимицы виленской и краковской публики, высланной в 1864 г. в Сибирь [11, с. 132, 219].

Ссылные организовывали уроки иностранных языков, музыки, рисования и танца, вели подготовку детей местных жителей к поступлению в гимназии, организовывали оркестры и театральные труппы, создавали библиотечные фонды. Одновременно ими велась активная жизнь внутри своего сообщества. Выходцы с территории Беларуси создавали в Сибири общества самопомощи, школы-приюты для детей сирот ссыльных повстанцев, занимались самообразованием, старались обеспечивать наилучшее образование и воспитание своим детям. Вдали от родины, живя часто с ощущением разрушения жизненных планов, их просветительская и культурная деятельность помогла им достойно выдержать период ссылки и снискать уважение и благодарность местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Город Томск в прошлом и настоящем / сост. А. В. Адрианов. – Томск : Тип. Михайлова и Макушина, 1890. – 433 с.

2. Государственные преступления в России в XIX веке : Сборник из политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России : в 3 т. / под ред. В. Базилевского (В. Богучарского) 1825–1876. – Штутгарт, 1903–1905. – 351 с.
3. Ендрыкоўская, Б. Удзел ссыльных паўстанцаў 1863–1864 гг. у цывілізацыйным працэсе Сібіры на старонках мясцовай прэсы / Б. Ендрыкоўская // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2010 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Т. А. Новогродский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 30–36.
4. Карпов, А. Н. Из истории сибирской ссылки польских повстанцев 1863 года в Енисейскую губернию / А. Н. Карпов, И. А. Славкина // Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Польнии : материалы междунар. науч. конф., Красноярск, 5–7 сентября 2013 г. / Федеральная польская нац.-культ. автономия «Конгресс поляков в России»; под ред. С. В. Леончика. – Красноярск, 2014. – С. 31–46.
5. Ендрыкоўская, Б. Удзел ссыльных паўстанцаў 1863–1864 гг. у цывілізацыйным працэсе Сібіры на старонках мясцовай прэсы / Б. Ендрыкоўская // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2010 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Т. А. Новогродский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 30–36.
6. Карпов, А. Н. Из истории сибирской ссылки польских повстанцев 1863 года в Енисейскую губернию / А. Н. Карпов, И. А. Славкина // Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Польнии : материалы междунар. науч. конф., Красноярск, 5–7 сентября 2013 г. / Федеральная польская нац.-культ. автономия «Конгресс поляков в России»; под ред. С. В. Леончика. – Красноярск, 2014. – С. 31–46.
7. Крэх, Г. А. Гісторыя пасялення Мінск-Дваранскае: засяляючая шляхта з Беларусі ў сібірскім Прырытшышы / Г. А. Крэх, С. М. Токць // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – №3. – С. 4–17.
8. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. – Томск : Томск. стат. ком., 1910. – 609 с.
9. Сесюнина, М. Г. Вопросы развития просвещения и культуры Сибири в программе сибирских областников / М. Г. Сесюнина // Из истории Сибири : сб. ст. / Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева; редкол.: Л. И. Боженко (отв. ред.) [и др.]. – Томск, 1972. – Вып. 4. – С. 269–289.
10. Скоробогатова, Н. Н. Адаптационные механизмы и практики польского населения Сибири в условиях принудительных переселений в XIX – XX веках / Н. Н. Скоробогатова // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни : материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск–Тара, 8–12 августа 2009 г. / ОмГУ им. П. А. Столыпина ; редкол.: С. А. Мулина (отв. ред.) [и др.]. – Омск, 2012. – С. 50–60.
11. Jędrzychowska, B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna / B. Jędrzychowska. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. – 240 s.
12. Jędrzychowska, B. Wszystkim obcy i cudzy. Feliks Zienkiewicz i jego listy z Syberii 1864–1881 / B. Jędrzychowska. – Wrocław : Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2005. – 444 s.
13. Kuczyński, A. Polacy w Tomsku. Szkice z przeszłości i współczesność // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : сб. ст. / Красноярский культурно-ист. музейный комплекс ; ред.-сост. С. В. Леончик. – Красноярск, 2007. – С. 37–51.
14. Nowak, A. Zsyłka w kontekście imperialnej polityki Rosji / A. Nowak // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. – Lublin ; Warszawa : Wydawnictwo KUL, 2008. – S. 53–67.
15. Ostromecka, J. Pamięnik z lat 1862–1911 / J. Ostromecka ; oprac. A. Brus. – Warszawa : DiG, 2004. – 350 s.
16. Powstanie styczniowe i zesłańcy syberyjscy. Katalog fotografii ze zbiorów Muzeum Historycznego Warszawy / oprac. E. Kamińska. – Warszawa : Argraf, 2005. – Część II. Zesłańcy syberyjscy. – 407 s.
17. Tabeńska, E. Z doli i niedoli. Wspomnienia wygnanki / E. Tabeńska. Kraków : Drukiem i nakładem W. Korneckiego, 1897. – 146 s.

Сулейманова М.Н.
(Республика Башкортостан)

БЕЛОРУСЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИИ В ИГЛИНСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Белорусы Республики Башкортостан – одна из крупных по численности групп населения, формирование которой относится к дореволюционному периоду в истории края. Геополитическое положение Башкортостана, как и в целом Волго-Уральского региона, находящихся на стыке Азии и Европы, с древнейших времен предопределило сложность этнического, этнорасового и этноязыкового состава населения, который еще более усложнился после присоединения края к Русскому государству в середине XVI в. Сюда стали переселяться народы из центральных и западных территорий тогдашней Российской империи, в их числе и белорусы. Согласно историческим данным, массовое переселение их началось после отмены крепостного права (1861 г.). Новые волны переселения приходятся на годы проведения Столыпинской аграрной реформы (1906–1910 гг.) и Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Переселенцы скупали земли у местного башкирского населения и государства, и основывали хуторские поселения в различных уездах Уфимской и Оренбургской губерний¹. Самые первые хуторские поселения белорусов появились на территории Уфимского уезда Уфимской губернии в бассейне р. Сим². Численность белорусов по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на

¹ На территории Уфимской и Оренбургской губерний в 20-х гг. XX в. была образована Башкирская АССР (БАССР), с 1992 г. – Республика Башкортостан (РБ).

² Белорусы // Энциклопедия «Народы Башкортостана». Уфа, 2014 г. С. 108–122.